

ДРЕВНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ
ВОСТОЧНОГО КРЫМА
И СОВРЕМЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹

Как известно, в древних географических сочинениях, а также в соответствующих пассажах дошедших до нас других сочинений античных авторов пространственным² и чисто материальным ориентирам-координатам уделялось большое внимание. Без них описания подчас теряли смысл и значение. Эти примечательные природные объекты или творения человека надолго становились своего рода точками отсчета. И те, и другие могли привлекать своим видом, масштабами или глубиной впечатления, стабильностью состояния, значимостью и важностью с точки зрения путешественника или повествователя, очевидной приметностью. Вторые, помимо всего этого, обладали и исторической ценностью: были связаны с какими-то достопамятными событиями или деяниями выдающихся личностей.

В полной мере это относится к Северному Причерноморью³ и, в частности, к Восточному Крыму (карта). Можно предположить, что, выделенные однажды, эти ориентиры, в силу указанной специфики, действовали весьма продолжительное время. Все это, а также широко распространенная у древнегреческих и римских писателей традиция заимствования тех или иных сведений у предшественников, позволяет надеяться на выявление здесь нескольких подобных объектов.

Впервые и в наиболее конкретной форме мы встречаемся с ними еще у Геродота, что вряд ли случайно. Вопрос о его участии в Понтийской экспедиции Перикла, а равно – о маршрутах этого плавания, источниках или информаторах «отца истории» неоднократно обсуждался⁴. Обращалось внимание на поразительное молчание историка обо всем, что касалось греков, обосновавшихся в районе Боспора Киммерийского. И это при том, что, как свидетельствуют археологические данные, история местных античных городов и поселений насчитывала к этому времени уже по крайней мере полтора столетия⁵. Это тем более удивительно, что о неосведомленности Геродота о данном регионе говорить не приходится. Напротив, именно благодаря ему нам известны фактически все древние географические ориентиры и особенности Восточного Крыма.

Прежде всего, Геродот (не будем в дальнейшем делать оговорку о возможных источниках либо информаторах, которыми он пользовался) первый употребляет название «Боспор Киммерийский» (IV. 12), т.е. район современного Керченского пролива. В этом сходятся все переводчики и комментаторы труда Геродота вплоть до настоящего времени. Но не менее важно, что он отчетливо представлял себе особое

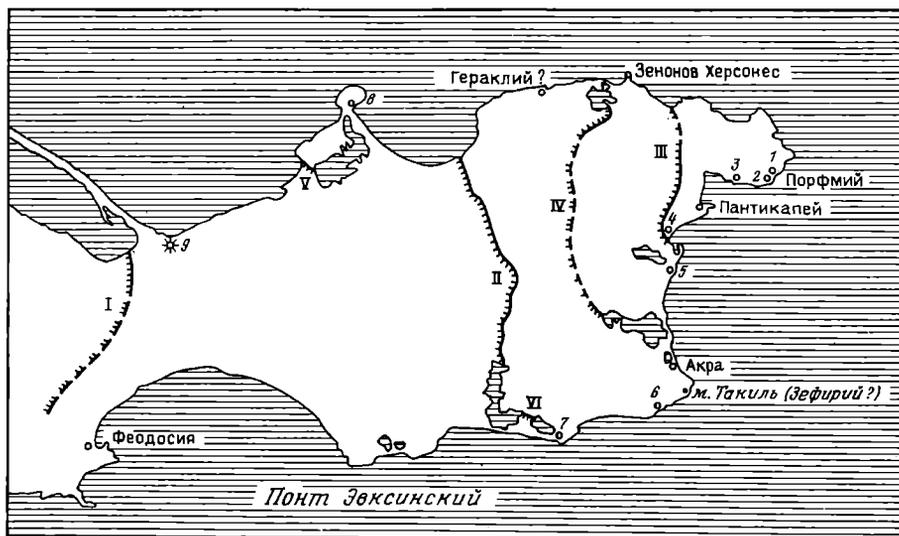
¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ. Код проекта № 96-06-80053.

² Подосинов А.В. Ориентиры древних карт с древнейших времен до раннего средневековья // ВДИ. 1992. № 4. С. 64–74.

³ Агбунов М.В. Античная лоция Северного Причерноморья. М., 1987.

⁴ Из наиболее известных работ последнего времени см. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 63–98.

⁵ Приведем хотя бы некоторые новейшие публикации с соответствующей информацией: Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. С. 400 сл.; Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 154–159; Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. 204. С. 31–36, а также соответствующая информация в разделах коллективной монографии «Очерки археологии и история Ессора» (М., 1992).

Понт Эвксинский: – Ак-монайский вал и ров; II – Узунларский вал и ров; III – Тиритакский вал; IV – вал Безкровного; V – Ак-ташский вал; VI – Кояшский вал. 1 – мыс Фонарь, 2 – Парфений, 3 – Мирмекий, 4 – Тиритака, 5 – Нифей, 6 – Китей, 7 – Киммерик, 8 – поселение Казантип-восточный I (Новая крепость), 9 – крепость Арабат

географическое положение Восточного Крыма относительно остальной Таврики. Вряд ли можно сомневаться, что сильно выдающийся в море в восточном направлении полуостров, начинающийся от гористой области тавров и названный Геродотом «Скалистым» (IV. 99), это Восточный Крым. Данное описание, столь точное и определенное, заметно контрастирует со всей последующей письменной античной традицией, не знающей такого четкого разграничения. При этом позволим себе сделать несколько замечаний и предположений относительно того, что же именно понимал или какой смысл вкладывал Геродот в указанную характеристику полуострова. Перевод этого слова (τραχύς, -εία, -ύ) допускает различные, хотя в чем-то и близкие толкования – «неровный», «шероховатый», «каменистый», «суровый», «скалистый», «жесткий», «утесистый». Встает вопрос: относится это определение только к восточнокрымскому побережью или ко всему полуострову? Иными словами, знаком ли был Геродот лишь с береговой линией или же имел реальное представление об особенностях рельефа и климате этой части Крыма? Всякий, кто мало-мальски осведомлен о черноморском побережье Керченского полуострова, согласится, что скалистым и суровым его, за исключением небольшого отрезка у горы Опук, назвать нельзя, тем более по сравнению с предшествующей ему территорией горного Крыма (напомним: описания всех античных периплов, как правило, следуют с запада на восток). Иное дело – значительная часть северного берега Крымского Приазовья. Здесь действительно нет гор, но береговая линия и изрезана, и скалиста. Местный пейзаж с моря выглядит хотя и живописно, но достаточно сурово. Учитывая упоминание Геродотом торжища Кремны, расположенного где-то на северо-западном берегу Меотиды (IV. 20)⁶, можно допустить, что Геродот имел представление об особенностях облика побережья, вдоль которого проплывали греческие суда. Ведь вряд ли стоит сомневаться, что это были, хотя бы первоначально, каботажные плавания. Архео-

⁶ О предполагаемой локализации Кремн см. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. К вопросу о локализации гавани Кремны // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 40–47; Качарова Д.Д., Квириквелия Г.Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 147; Масленников А.А. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. 1995. № 2. С. 78–79.

логические находки VI–V вв. до н.э. здесь редки, за исключением остающегося пока единственным в своем роде раннего греческого поселения на мысе Зюк⁷. Вплоть до второй четверти V в. до н.э. эти места, по-видимому, мало привлекали греческих мореходов, торговцев и переселенцев.

И все же трудно отделаться от мысли, что под упомянутым определением Геродот имел в виду не только и не столько даже побережье Керченского полуострова. Ведь его внутренние пространства, особенно в центре и на северо-востоке, расчлененные многочисленными скалистыми кряжами, оврагами, изобилующие выходами известняковых пород, бедные источниками пресной воды, вполне соответствовали вышеприведенной характеристике. И климатические, и чисто ландшафтно-географические условия Восточного Крыма по понятиям Средиземноморья считались во времена Геродота достаточно суровыми⁸. И эту осведомленность историка, помимо свидетельств о зимних холодах и замерзающих водах пролива, прекрасно подтверждает его не менее известная информация о так называемых киммерийских и иных древних укреплениях, которые, конечно же, нельзя увидеть с моря (кроме, быть может, самого западного из этих сооружений). Их (ров и стены) Геродот упоминает четырежды (IV. 3.2; 12.1; 20.1; 28.1), что само по себе говорит о важности и известности данных объектов. При этом в двух последних случаях-примерах они фигурируют не столько в историческом повествовании, сколько именно в качестве определенных пограничных рубежей, т.е. как своего рода географические ориентиры. Существование этих древних оборонительных сооружений, в отличие от их непосредственной связи с полуполюбопытными киммерийцами, никогда не вызывало сомнения у историков и археологов. Весьма представительна и соответствующая литература⁹. Комплексные же исследования этих интереснейших археологических памятников, к сожалению, до сих пор не проведены, поэтому многое остается неясным и даже загадочным. Не вдаваясь во все тонкости и детали данной проблематики, остановимся лишь на том, что имеет отношение к выбранной теме.

Примечательно уже то, что эти сооружения упомянуты только в тексте Геродота. Даже такой обстоятельный и осведомленный о Северном Причерноморье автор, как Страбон, о них не сообщает, хотя его информация со ссылкой на несколько более ранний источник – Гипсикрата (Strabo. VII. 4. б) о стене, построенной Асандром, имеет к ним, как это теперь установлено¹⁰, очень близкое отношение. Никак не обмолвился о них и Клавдий Птолемей, безусловно, располагавший¹¹ какими-то сведениями о внутренней Таврике. Не исключено, что это объясняется скудостью и фрагментарностью наших письменных источников, а также в какой-то мере специфическими целями сочинения самого Геродота, в данном случае – его экскурсом в область истории и географии Скифии. Так или иначе, но эти укрепления – в сущности единственный наш географический ориентир для внутренних районов полуострова в античную эпоху.

Вместе с тем в тексте Геродота существует противоречие, уже отмечавшееся ис-

⁷ Это подтверждается, в частности, многолетними разведками и раскопками Восточнокрымской экспедиции ИА РАН, в том числе и под руководством автора. О поселении на мысе Зюк см. *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // *Очерки археологии и истории Боспора.* М., 1992. С. 120–173.

⁸ Из последних по времени работ, затрагивающих проблемы палеоэкологии Боспора, см. *Куликов А.В.* К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // *Проблемы истории, филологии, культуры.* Москва – Магнитогорск, 1995. № 2. С. 97–106; *Виноградов Ю.А.* Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху // *ВДИ.* 1996. № 3. С. 77–88.

⁹ В той или иной степени эта литература использована в двух относительно недавних работах: *Масленников А.А.* Еще раз о Боспорских валах // *СА.* 1983. № 3. С. 14–22; *Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.* Древние укрепления Северного Крыма // *ВДИ.* 1986. № 2. С. 145 сл.

¹⁰ *Масленников А.А.* Раскопки на Узунларском валу // *РА.* 1994. № 4. С. 176–184.

¹¹ *Зубарева В.Г., Масленников А.А.* // *Историческая география Восточного Крыма по Клавдию Птолемею* // *СА.* 1987. № 3. С. 40–52.

следователями. Он то пишет о нескольких линиях укреплений (IV. 12. 1: τεῖχεα), то как будто бы вполне определенно говорит об одном рве (τάφρου). В первом случае – это упоминание о «стенах», якобы построенных киммерийцами, но без точной их локализации («и теперь в Скифии есть Киммерийские стены...»). И хотя в предшествовавшем повествовании речь явно шла об укреплениях, вырытых в Крыму, здесь возможно толкование и в смысле каких-то иных сооружений такого рода на пространствах Скифии¹², что все же менее вероятно.

Теперь обратимся к вопросу о местонахождении этих «рвов». Самое первое свидетельство Геродота не оставляет сомнений, что «ров» располагался в западной части Керченского полуострова. Действительно, описание Геродота поражает своей убедительной конкретностью: «...они отрезали страну, вырыв широкий ров, растянувшийся от Таврских гор до Меотийского озера в том именно месте, где оно шире всего» (перевод И.А. Шишовой, см. прим. 14). Взглянув на карту, нетрудно убедиться, что и в самом деле указано самое удобное для такого рода постройки место на полуострове. Что касается суши, то здесь пространство между восточными отрогами Крымских гор и Азовским морем наикратчайшее. Но еще более удивительна осведомленность Геродота об очертаниях, конфигурации (не о размерах!) Меотиды. Это ли не подтверждение хорошего знания греками особенностей данного бассейна уже в столь раннее время! Геродот совершенно прав: для обороны Восточного Крыма, и это подтвердили печальные примеры новейшей истории, нет лучшего места, чем район Ак-Монайского перешейка. Правда, после обстоятельной статьи И.И. Бабкова¹³ мнение об отсутствии каких-либо следов древних укреплений между Феодосией и Арабатской стрелкой стало на какое-то время господствующим¹⁴. Однако слишком уж определенные свидетельства некоторых путешественников конца XVIII столетия и доверие к сообщениям Геродота все же оставляли надежду сторонникам их существования¹⁵, хотя прямых доказательств у них не было. Несколько лет назад нами была предпринята новая попытка отыскать «в поле» остатки этого рва и вала. Ей предшествовали размышления над текстом и работа с картографическим материалом. В самом деле, из вышеприведенной цитаты Геродота следует, что ров этот простирался на севере до Меотийского озера. Казалось бы, это ничего не значащее для точной его локализации указание. Но если отнестись к тексту Геродота со всем вниманием, то это немаловажно. Ведь любое соответствующее укрепление должно завершаться непреодолимой естественной либо искусственной преградой. В противном случае оно теряет всякий смысл, ибо его легко обойти со стороны. В данной связи это должно было быть море, а не мелководный залив или суша. Называя Меотиду «озером», Геродот тем не менее отчетливо (хотя неточно) представлял себе ее очень большие размеры, сопоставимые с настоящим морем. А главное, он ничего не пишет о существовании у северной оконечности рва чего-либо, кроме открытого и, следовательно, сложно преодолеваемого водного пространства. Иными словами, современного мелководного Сивашского озера (в том виде по крайней мере, в каком оно существует сейчас) тогда скорее всего не было. Или, если уж быть предельно точным, то дело даже не в этом озере-заливе; в античную эпоху здесь все же что-то существовало, и Страбон описывал это вполне определенно (VII. 4. 1). Главное, ни один из древних авторов не упоминает тут такого своеобразного и по-своему впечатляющего природного образования, как Арабатская стрелка. Эта очень узкая и

¹² Мурзин В.Ю. Происхождение скифов. Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 53 сл.

¹³ Бабков И.И. К вопросу о местоположении Асандрова вала // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 290 сл.

¹⁴ Эти взгляды нашли отражение в соответствующих комментариях к изданию текста «Скифского рассказа» Геродота авторским коллективом во главе с А.И. Доватуром (Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 204 сл.).

¹⁵ Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 62–64; Масленников. Еще раз о Боспорских валах. С. 14 сл.

длинная (более 100 км), удивительно прямая песчаная коса практически соединяет в настоящее время Восточный Крым с Западным Приазовьем. По ней неоднократно в течение последних нескольких столетий нападающая сторона проникала в Крым в обход перекопских укреплений. Между тем подобного рода местности (географические объекты, ориентиры!) всегда привлекали особое внимание древних греков. Длинные косы, намывы, мысы тщательно отмечались в периплах и иных сочинениях и благодаря этому хорошо известны нам для Северо-Западного Причерноморья. Вспомним хотя бы того же Геродота с его «Ахилловым бегом» (IV. 55, 76) и «Гипполаевым мысом» (IV. 53). Греки нередко связывали их с культами героев и богов, строили на их оконечностях святилища и жертвенники, чаще всего посвященные Ахиллу¹⁶. Трудно допустить, чтобы Арабатская коса, безусловно, более впечатляющая, чем все иные объекты подобного рода, если, конечно, она существовала, не попала бы в поле зрения античных мореплавателей, а затем и в соответствующие тексты. Наши неоднократные консультации с палеологами и географами показали, что, по всей видимости, в современном состоянии Арабатская стрелка окончательно оформилась уже в эпоху средневековья, приблизительно тысячу лет назад¹⁷, хотя островки, мели и наносы, возможно, менявшие направление позднейшей косы и соединявшиеся с сушей в иных, чем теперь, местах, существовали и прежде.

Эта точка зрения как будто бы подкрепляется картографически. В силу ряда причин к изображениям на средневековых картах следует относиться с известной долей осторожности. И все же на тех картах Крыма, с которыми нам удалось ознакомиться, определенная ситуация вроде бы прослеживается. Так, на карте П. Весконде 1318 г. ничего похожего на Арабатскую стрелку нет. Правда, она охватывает все Черное море и изображение Крыма слишком мелкое. Отсутствует интересующий нас объект и на четырех картах середины – второй половины XVI в. – 1554, 1556, 1567, 1595 гг. Зато на очень схематичной карте Герберштейна 1550 г. в этом районе изображена цепочка островов, а на картах второй половины XVII – первой половины XVIII в. – длинный, но непривычно широкий «язык» косы, отходящей от восточнокрымского берега к северу, отмечен однозначно¹⁸. Примечательно, что известная Арабатская крепость, перекрывавшая дорогу в Крым по данной косе, была построена только в начале XVII в. Отметим также, что в ходе неоднократных разведок и охранных раскопок в этом районе в упомянутой крепости экспедицией под руководством А.Г. Герцена не было сделано никаких находок античного времени.

Итак, очевидно, что и теоретически, и практически завершать линию обороны у Азовского моря там, где теперь это кажется наиболее целесообразным (т.е. сразу к востоку от основания Арабатской стрелки), в древности было бессмысленно. Между тем именно здесь обычно и искали северную оконечность рва и вала. Гораздо больше подходил бы для этого, однако, район побережья западнее упомянутой стрелки (т.е. современный берег Сивашского залива). Здесь самое короткое расстояние до крымских предгорий. Предварительное знакомство в аэрофотосъемкой и со старыми картами землеустройства позволили определить примерное место поисков и даже отчасти утвердиться в наших предположениях¹⁹. Уже первые полевые изыскания в 1986 г. довольно быстро увенчались успехом. Приблизительно в 5,5 км к западу от

¹⁶ Руслева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 42, 47, 55, 57 сл.; Отрепко В.М. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 80–87.

¹⁷ Клякин А.А., Корженевский В.И., Щепинский А.А. Казантип. Симферополь, 1987. С. 24.

¹⁸ См. соответствующие карты по изданию: Корд В.А. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Ч. 1. Киев, 1899; ч. 2. Киев, 1901; вып. II. Киев, 1910; он же. Материалы до історії картографії України, частина перша, у Києві // МСМ. 1906. № 2. С. 145 сл.

¹⁹ Изображения вала явно просматриваются именно в данном месте на некоторых картах Крыма XVII в., но не ясно, отражают ли они действительные реалии или нанесены, следуя тексту Геродота.

Арабатской крепости, на относительно высоком месте, были выявлены довольно плохо сохранившиеся остатки земляных укреплений. Вал и ров с запада от него прослеживались в юго-западном направлении приблизительно на 1,5 км. Ширина вала 11 м, высота 1,1 м, насыпь (насколько это можно было проследить по береговому обрыву) представляла собой однородный коричневый грунт, следов крепиды нет. Ров имел ширину около 12 м и глубину 1,6–1,8 м.

Позднее нам удалось ознакомиться с рукописью керченского археолога-любителя В.В. Веселова «К материалам по составлению археологической карты Керченского полуострова»²⁰. В ней содержалось свидетельство о том, что в 0,7 км южнее с. Фронтное на водоразделе Парпачской гряды, вблизи поселения первых веков нашей эры, были выявлены остатки какого-то вала и рва. Они прослежены в длину всего на 300 м при средней высоте вала 1,5–2 м и ширине – до 6 м. Перед валом, начиная с седловины скалистого хребта, располагался ров, в низине переходивший в овраг. Насыпь вала: однородный, щебнистый грунт. Здесь же указаны два холма, вероятно, скрывавшие развалины башен. Несмотря на некоторую неопределенность этих описаний и возможность более поздних конструктивных дополнений (башни, городище первых веков нашей эры, монета царя Ремиталка) размещение этих укреплений вполне согласуется с предполагаемой трассой рассматриваемой оборонительной линии. Таким образом, в самой узкой части Керченского полуострова древний вал действительно существовал, но направление его было иным, чем считалось прежде. На юге он подходил к горам, по-видимому, западнее Феодосии, а не восточнее, как считалось ранее. Точная датировка вала и рва – сложнейшая задача для последующих исследований, но, думается, они вполне могут отождествляться именно с укреплениями, построенными, согласно Геродоту, потомками «слепых скифских рабов». Вопрос о том, какой народ скрывался под этим «экзотическим» определением, очень труден²¹ и к нашей теме не имеет прямого отношения. Заметим лишь, что этот вал и ров (как, впрочем, и все другие подобные сооружения на полуострове) строились для отражения нападения с запада. В интересующем нас плане Ак-Монайский ров служит прекрасным подтверждением достоверности данных и географической компетентности Геродота и античных греков об этом районе уже в середине V в. до н.э. Последнее обстоятельство, быть может, объяснялось тем, что именно до этих мест в период каботажных плаваний, а возможно и позднее, доплывали греческие суда, а затем, стремясь избежать мелководий юго-западной Меотиды, резко сворачивали к северу, в открытое море, держа направление к Кремнам или иным торговым поселениям близ устья Дона. Тогда эти древние укрепления становились своеобразным географическим ориентиром.

Обратимся теперь к прочим основным валам и рвам полуострова²². При этом напомним, что, по мнению В.Ф. Гайдукевича, Геродот ко всех случаям имел в виду самый восточный из них – Тиритакский вал²³. Согласно же Н.И. Сокольскому, ров «потомков слепых» – это Узунларская линия укреплений, а вал, упомянутый в связи с зимними переездами скифов в Синдику, это современный Тиритакский вал²⁴. Вопрос

²⁰ Автор выражает благодарность И.Т. Кругликовой за любезно предоставленную возможность ознакомиться с данными материалами.

²¹ Подробнее об этом см. *Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма. К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. // Боспорский сборник. 1995. № 8. С. 61 сл.

²² Помимо хорошо известных Узунларского и Тиритакского валов здесь документально засвидетельствовано еще несколько менее выразительных и хуже сохранившихся, но, по-видимому, столь же древних аналогичных сооружений (см. *Масленников.* Еще раз о Боспорских валах. С. 16). В самое последнее время удалось подтвердить существование так называемого «вала Безкровного» (см. *Масленников А.А., Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л.* Магниторазведка в изучении развития исторического ландшафта и археологических памятников Европейского Боспора // Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы к 170-летию Керченского музея. Керчь, 1996. С. 50).

²³ *Gaidukevič V.F.* Das Bosporianische Reich. В., 1971. S. 56.

²⁴ *Сокольский Н.И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. XXVII. С. 91 сл.

об интерпретации этих построек и прежде всего об их датировке не прост и вряд ли решим в настоящее время. Поэтому выскажем лишь наши предположения с той мерой аргументации, которая сейчас возможна.

Если верить Геродоту, вернее, следовать его тексту буквально, то восточной границей царских скифов являлся именно ров «потомков слепых рабов», реально, как мы убедились, проходивший почти по современному Ак-Монайскому перешейку. В таком случае кому же принадлежали собственно земли всего Восточного Крыма и почему этой «границей» служила искусственная преграда, а не естественное препятствие, да еще такое известное и существенное, как пролив? И хотя во времена Геродота эта граница, судя по широко известному эпизоду с зимними перекочевками или походами, постоянно нарушалась скифами, она все же отражала, вероятно, какие-то этнические, договорные либо иные отношения. Но с кем? Или же Геродот в данном эпизоде имел в виду иной вал и ров? И как тогда понимать полулегендарное свидетельство об основании Пантикапея на землях, уступленных скифским царем²⁵, бывшим, следовательно, их хозяином?

Вернемся еще раз к постоянно привлекающему внимание исследователей эпизоду со скифскими походами в Синдику. Не касаясь всех деталей этого рассказа, остановимся на двух моментах. С одной стороны, повествование как бы предполагает пространственную близость района самой переправы и рва. При этом говорится о последнем в единственном числе. Создается впечатление, что речь идет о Тиритакском вале и рве, находящихся недалеко от пролива. С другой стороны, понимание данного текста и локализация искомого объекта во многом зависят от интерпретации выражения «по сю сторону рва» (οἱ ἐντὸς τῆς ῥαῖς), где наречие ἐντὸς означает «внутри, в, по сю сторону, не издалека, на пространстве». В том случае, если рассказ ведется от лица, находящегося к западу от Боспора Киммерийского, например из Ольвии, как считают многие исследователи, то это будет означать одно. Если же взгляд повествующего обращен со стороны Боспора, то данное выражение можно понимать и по-другому. Если опираться на вторую точку зрения, то «тиритакский вариант» отпадает. С учетом современного состояния наших знаний совершенно очевидно, что к середине V в. до н.э. греческие города в северо-восточной части Керченского полуострова вместе с хорой в принципе не оставляли пространства даже для временного обитания здесь сколько-либо многочисленной группы варварского населения, тем более кочевого²⁶. Вариант с Узундарским, а тем более АК-Монайским валом, заметно расширяет территорию, условно занимаемую какими-то местными скифами. Но все зависит от того, «откуда смотрит» рассказчик. Есть мнение, что вместо ἐντὸς следует читать ἐκτός – «по ту сторону»²⁷, но оно также ничего не решает без главной посылки. К тому же любое отклонение от текста источника всегда менее приемлемо.

Итак, если повествование ведется как бы из Ольвии, то при любом варианте с валами речь идет о царских скифах, основные кочевья которых во времена Геродота располагались на большем или меньшем удалении от Боспора Киммерийского. Граница их владений на востоке указана Геродотом четко, и во избежание противоречий с источником надо признать, что по дороге в Синдику эти скифы пересекали именно Ак-Монайский ров и вал, чем совершенно не затрагивали интересы боспорских греков. Напомним, что для этого периода на основной части полуострова, особенно в

²⁵ Steph. Byz. παντικαπαιον; Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 22.

²⁶ Во второй половине V в. до н.э. Пантикапей был уже сложившимся, не маленьким городом, а столицей европейских боспорян. Тиритака и Мирмекий также существовали как городские центры. Слои этого времени зафиксированы при раскопках предполагаемого Порфмия и Парфения. Известно еще несколько пунктов с находками V в. до н.э. на том же пространстве к востоку от Тиритакского вала. Подробнее об этом см., в частности, соответствующие разделы сборника «Очерки археологии и истории Боспора» (М., 1992).

²⁷ Legrand Ph.E. Herodotea // REA. 1938. XL. P. 230.

его глубинке, неизвестно ни одного не только греческого, но и вообще какого-либо поселения. Исключения составляли весьма ограниченные по площади районы близ Феодосии и на берегу пролива. Иное дело, как греки и варвары строили свои отношения непосредственно в зоне пролива и переправы. Впрочем, зимой, когда работы на полях прекращались, эти походы не доставляли никому особого беспокойства.

При боспорской «точке отсчета» либо надо все же согласиться с заменой значения предлога (тогда в сущности безразлично, о каком из валов идет речь – все они окажутся к западу от греческих владений), либо признать, что на территории полуострова жили, как уже говорилось, некие скифы, точнее местные варвары, называвшиеся скифами, но не собственно «царские». При всем том, что мы знаем теперь о варварском населении Восточного Крыма в VI–V в. до н.э., а оно там действительно обитало и отличалось некоторой спецификой, в частности погребального обряда, это предположение слишком рискованное и уязвимое. Именно для этого времени археологически тут подтверждено сосуществование могильников какого-то локального варварского этноса, вернее этнической группы, и редких захоронений, скорее всего принадлежавших кочевым царским скифам²⁸. Первые вели, по-видимому, полукочевое, пастушеское хозяйство и никуда с территории полуострова не уходили. Вторые – истинные номады – совершали свои сезонные дальние миграции-кочевья по определенным маршрутам. Не исключено, однако, что здесь мы имеем дело с двумя хозяйственно-культурными укладами и социальными группами одного этноса: воинско-кочевники и рядовые пастухи (потомки «слепых рабов»?). Но не будем слишком отклоняться от целей данной статьи, отметив лишь, что указанные у Геродота географические ориентиры оказались наполненными этноисторическими реалиями, над которыми еще долго предстоит ломать голову специалистам²⁹.

Вернемся к древним земляным укреплениям Керченского полуострова. Помимо указанного Геродотом в качестве географо-этнического ориентира Ак-Монайского вала и рва, им же упомянуты, причем во множественном числе, загадочные «киммерийские стены» (IV. 12). Обращает на себя внимание, что Геродот даже терминологически не смешивал их с рвом «слепых». Создается впечатление, что их большая древность была очевидна для современников Геродота. Это, видимо, и нашло отражение в новелле о скифо-киммерийском противоборстве. Впрочем, особой роли в повествовании историк им не отводит. Быть может, к середине V в. до н.э. эти сооружения, утратив (на время?) свое значение, оказались заброшенными. И все же, если Геродот имел здесь в виду остальные валы полуострова, почему он называл их именно «стенами», используя термин со вполне ясным и определенным для греков этого времени содержанием? До сих пор у нас нет оснований считать, что до прихода греков, а точнее, даже до постройки первых городских стен в Мирмекии, Пантикапее, Порфмии и других боспорских центрах, местное варварское население (неважно, были ли это киммерийцы, скифы или иной народ) было способно строить столь протяженные и сложные в инженерном отношении каменные оборонительные конструкции. Хотя какими-то навыками монументального каменного строительства, оно, по-видимому, все же владело. Об этом наглядно говорят циклопические кладки крепид Золотого кургана и не менее знаменитой Кара-Обы, точная дата возведения которых теряется пока во времени³⁰. Не исключено, что основанием для употребления Геродотом слова «стены» послужило то обстоятельство, что, как известно, Тиритакский и Узунларский валы местами имеют у основания достаточно солидные каменные обкладки, своего рода крепиды. В древности они сохранились лучше и

²⁸ Масленников. Каменные ящики... С. 56–68.

²⁹ Быть может, восточная граница царских скифов – Ак-Монайский ров – все же являлась какое-то время материальным воплощением некоего их соглашения с местными варварами, и легендарный рассказ Геродота имел иное завершение.

³⁰ В.Д. Блаватский предлагал считать их постройками киммерийцев (Пантикапей... С. 13 сл.). Нам кажется, что в основе своей они еще более древние и относятся к кеми-обинской культуре, бытовавшей в Крыму и прилегающих районах Северного Причерноморья задолго до легендарных киммерийцев.

выглядели более впечатляюще³¹. Большого сказать мы пока не можем, оставив данный вопрос для будущих исследователей.

Все остальные древние географические координаты Восточного Крыма – как бы внешние и относятся к его побережью. Прежде всего это сам пролив Боспор Киммерийский, рассматривавшийся уже во времена Геродота как граница Европы и Азии (Herod. IV. 100.1). Закономерно, что ряд авторов выделяет здесь две пары пунктов, означавших для мореплавателей вход из Понта и выход в Меотиду. Здесь же располагались и переправы. При этом, начиная с Геродота, наиболее осведомленные из древних писателей отличают проливы от конкретных переправ через него (см. Herod. IV. 12. 28. 45, 100). Не касаясь специально вопроса о числе и местоположении древних переправ через Боспор, отметим лишь, что их было по крайней мере три³². Кстати, и Геродот пишет о них во множественном числе (IV. 12). Как правило, вблизи таких пунктов во все времена существовали более или менее крупные поселения. Не исключение в этом плане и европейский Боспор, поэтому позволим себе несколько дополнений и замечаний со ссылками на новейшие археологические исследования.

Как известно, вопрос о том, упоминает ли Геродот в соответствующем месте IV. 45 боспорский городок Порфмий или просто переправу, – весьма спорен³³. На фоне полного умолчания им всех прочих населенных пунктов Боспора Киммерийского такое исключение выглядит очень странно. Впрочем, современные археологические представления об этом поселении не только существенно пополнились, но и могут быть скоррелированы с письменными свидетельствами. Так, возникновение городища у с. Жукровка близ действующей паромной переправы и отождествляемого с Порфмием³⁴, относится приблизительно к середине VI в. до н.э. В течение второй половины этого столетия там строится первая оборонительная стена, одна из древнейших на Боспоре. Затем греческое поселение переживает какую-то катастрофу, но быстро возрождается и укрепляется новыми стенами. В конце первой четверти V в. до н.э. городок вновь гибнет в пожаре и снова восстанавливается, просуществовав без сколько-нибудь серьезных перестроек и потрясений до середины III в. до н.э. В это время происходит полная перепланировка Порфмий, строятся городские стены с башнями. Площадь этой небольшой крепости составляет около 0,5 га, но существовали и постройки «пригорода». Окончательно городок был разрушен и опустел, вероятно, в середине последней четверти I в. до н.э.³⁵ Показательно, что Страбон, очень точный и

³¹ Некоторое время назад нам довелось еще раз осматривать один из участков Узунларского вала, ныне сильно распаханный. Насыпь была уничтожена, но поражало обилие растасканных по сторонам камней, в том числе и очень крупных. Среди последних оказалась даже одна мегрировидная плита или грубая антропоморфная стела высотой более 2 м. Между прочим, подобный тип «надгробий» встречается в Восточном Крыму лишь над ранними (V в. до н.э.) погребениями в грубых каменных ящиках с кольцевыми оградками, например на могильнике в урочище «Стоячий камень». Для предшествовавших эпох характерны иные изваяния, вроде известных тиритакских стел. Разумеется, этот пример еще не означает, что данный вал строился позднее V в. до н.э. С большей определенностью это можно сказать лишь о его крепиде, что не противоречит установленному факту существования по крайней мере двух строительных периодов в истории Узунларского вала.

³² Более детально этот вопрос проработан Н.Ф. Федосеевым (Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4).

³³ Об этом подробнее см. *Доватур и др.* Народы нашей страны... С. 270 сл.; *Рыбаков.* Геродотова Скифия. С. 22, 67, 75, 80.

³⁴ Такая локализация, предложенная еще В.В. Веселовым (Древние городища в районе Синягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмий) // Археология и история Боспора. Т. I. Симферополь, 1952. С. 227 сл.), считается в настоящее время наиболее приемлемой.

³⁵ *Кастанаян Е.Г.* Раскопки Порфмий // КСИА. 1970. 130. С. 78–80; *Античные государства Северного Причерноморья.* М., 1984. С. 68 сл.; *Вахтина М.Ю.* Исследования раннего Порфмий // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. С. 197 сл.; *она же.* О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмий // Фортификация в древности средневековья. Тез. докл. СПб., 1994. С. 31 сл.; *Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные проблемы... С. 156; *Масленников А.А.* Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. № 6. С. 160.

информированный автор, приводящий в основном близкие ему по времени сведения, называет в самом узком месте пролива уже не Порфмий, а Парфений (Strabo. XI. 4.5). Так что, если принятая локализация этого пункта верна, то все упоминания о нем в относительно поздних источниках (Anon. Periplus PE. 69, 76; Steph. Byz. s.v.) восходят к каким-то иным, предшествовавшим «Географии» Страбона сочинениям, не отражая реальной ситуации. Правда, Анонимный автор называет Порфмий, приводя те же, что и Страбон, данные о ширине пролива в самой узкой его части. Споры относительно местоположения и отождествления этих двух городков с конкретными археологическими объектами сейчас вновь оживились. Предлагается считать вышеописанное поселение Парфением, а Порфмий помещать в районе мыса Фонарь³⁶. Приводимые при этом соображения, хотя и не лишены оснований, все же не представляются убедительными и не новы³⁷. К тому же поселение на крайнем северо-востоке полуострова сильно разрушено и не имеет хорошего, удобного подъезда с запада и юга, что очень невыгодно для оживленного портового или перевалочного пункта. Нет здесь и находок раннего времени³⁸. Впрочем, не будем спешить с окончательными выводами до новых результатов тщательных археологических изысканий в этом очень насыщенном памятниками, но чрезвычайно интенсивно разрушаемом человеком районе.

Обратимся к южной части пролива. Принято считать, хотя и не всеми, что здесь, близ мыса Такиль, находился боспорский городок Акра³⁹. Название это известно по сравнительно поздним источникам (Strabo. XI. 2, 8; Plin. NH. IV. 86; Anon. Periplus PE. 76; Steph. Byz. s.v.). Облик данного мыса как будто бы соответствует этимологии указанного наименования ἡ ἄκρα – «утес, оконечность, край, мыс, укрепление на вершине»; ἄκρος, -α, -ον – «высокий, самый крайний, остроконечный, острый». Неоднократные обследования и даже небольшие раскопки не выявили здесь никаких следов поселения античного времени, что вряд ли объясняется только разрушением береговой линии⁴⁰. К тому же Псевдо-Арриан помещал Акру на расстоянии более удаленном от надежно локализованного Китея, чем мыс Такиль: 30 стадиев = 5,6 км, а до Такиля не более 3,8 км. Следуя этому расстоянию, городок надо искать у юго-восточной окраины с. Заветное. Следы античного поселения и некрополя известны тут давно⁴¹, а обнаружение действительно существовавшего здесь города – открытие сравнительно недавнее⁴². По-видимому, возникновение Акры относится к V в. до н.э., а в IV в. до н.э. она превратилась в поселение городского типа, окруженное крепостной стеной толщиной до 2 м, усиленной квадратными башнями размером 7 × 7 и 7 × 6,5 м. Площадь городка в пределах этих стен составляла около 3,5 га. Большая часть Акры в настоящее время затоплена, причем наиболее удаленный угол укреп-

³⁶ Тохтасьев С.Р. Посвятительное граффито из Порфмия // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса. 1993. С. 74; Федосеев Н.Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. Керчь, 1996. С. 38.

³⁷ Гриневиц К.Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. I. С. 50–52.

³⁸ Веселов В.В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА-1959. XXIX–XXX. С. 234 сл.

³⁹ Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. II. С. 117; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 179; Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 22.

⁴⁰ Марти. Ук. соч. С. 117; Гайдукевич. Боспорское царство. С. 179; Кубланов М.М. Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. 1961. 83. С. 96; Молева Н.В., Молев Е.А. Разведки на мысе Такиль // АО 1976 г. М., 1977. С. 342. Относительно динамики разрушения морских берегов см. Зенкевич В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М., 1958. С. 193.

⁴¹ Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69. С. 213; Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 19.

⁴² Шилик К.К. Подводно-археологические разведки у берегов Керченского полуострова // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Симферополь, 1988. С. 226–228. См. также Saprykin S.J. Akra // Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity 1500 B.C. – A.D. 500. Fasc. 3. Amsterdam, 1995. V. 406 f.

лений находится на глубине 4,5 м в нескольких сотнях метров от берега. На береговом участке выявлены остатки стен и находки первых веков нашей эры⁴³. К этому же периоду относились и почти все гробницы частично исследованного грунтового некрополя⁴⁴. Все это говорит о том, что здесь в исходной точке пролива (напомним, что Страбон пишет именно о линии Акра – Корокондама, до которой пролив замерзает, и приводит соответствующее расстояние – 70 стадиев, т.е. 13 км, см. Strabo. XI. 2. 8) находился значительный по боспорским понятиям и хорошо укрепленный городок. Возможно, он появился как своеобразный форпост, выселок Пантикапея в период его борьбы за гегемонию в районе пролива (согласно Страбону, Акра располагалась в «пантикапейской земле», но что именно понималось под этим в его время – не ясно). Тут была одна из переправ и небольшой порт (Клавдий Птолемей называет один из пунктов скорее всего на Боспоре именно Порт-Акра, см. Ptol. VI. 3). Одновременно Акра была важным географическим ориентиром, хотя то, что мы знаем о ней в эпоху Страбона и позднее, как будто бы говорит, что лучшие времена для городка миновали. Не случайно и определение Акры как «деревеньки» (κωμίων). Пока трудно сказать, чем был вызван очевидный упадок этого и самого северного из поселений в проливе. Были ли это разрушительные последствия войн и мятежей, сотрясавших Боспор вплоть до утверждения на престоле царя Аспурга⁴⁵, или же это следствие локальной экологической катастрофы? В последнем случае мы имеем в виду резкое изменение уровня моря в районе пролива (так называемая нимфейская трансгрессия), вероятно, усиленное известным землетрясением 63 в. до н.э.⁴⁶ Учитывая все это, как знать, не находилась ли первоначально Акра на относительно небольшом, остром мысу, заметно выдававшемся в воды пролива, да еще и рядом с заливом, служившим гаванью? В таком случае можно довериться этимологическому содержанию ее названия.

Итак, если Акра – первый населенный пункт на европейском берегу пролива, располагалась именно здесь, то был ли отмечен человеком такой заметный береговой ориентир, как крайняя юго-восточная точка Керченского полуострова, упоминавшийся уже мыс Такиль? Тем более, что, если следовать описанию побережья Плиния Старшего (NH. IV. 86), то сразу за Китеем должен находиться городок с необычным названием Зефирий. Не отразилось ли в его названии некое пожелание или предупреждение? С одной стороны, отсюда начинался гостеприимный Боспор Киммерийский – пролив, изобиловавший, по словам Страбона (XI. 2. 8), удобными гаванями. С другой стороны, плавание в районе мыса, вероятно, были небезопасными. Впрочем, если обратиться к мифологии, то можно отметить определенную связь Зефира – бога западного ветра, с культом Ахилла: ведь он и гарпия Подарга породили знаменитых своей быстротой коней этого героя. Зефир известен и своей губительной силой, и только поздняя традиция представляла его нежным и мягким ветерком⁴⁷. Так что не об опасности ли предупреждало это название? И не скрыто ли здесь древнее наименование самого мыса – столь заметного и важного для мореплавателей ориентира. Кстати, современные лоции⁴⁸ и результаты подводных исследований в южной

⁴³ Раскопки Акры ведутся в настоящее время экспедицией Керченского музея-заповедника во главе с А.В. Куликовым.

⁴⁴ Раскопки некрополя Акры велись экспедицией Керченского музея-заповедника эпизодически в середине 80-х и начале 90-х годов под руководством В.Н. Холодкова и О.Д. Чевелева.

⁴⁵ Из последних по времени работ об этом периоде см. *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128 сл.; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 140–150, 266–280, 308–388; *Масленников.* Полемон I на Боспоре. С. 158–167.

⁴⁶ Среди специалистов в данных областях нет до сих пор единства в оценке цифр периодических колебаний уровня вод в бассейнах Черного и Азовского морей, тем более с учетом локальной специфики. То же относится и к данным палеосейсмологов.

⁴⁷ Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 468.

⁴⁸ Лоция Черного моря. Л., 1954. С. 171–173. Мыс Такиль окаймлен каменистыми рифами, глубины здесь неровные. Есть и иные препятствия.

части Керченского пролива⁴⁹ полностью подтверждают сказанное. Как ни вспомнить здесь о культе покровителя местных моряков Ахилла Понтарха, столь распространенном в Северо-Западном Причерноморье⁵⁰. Сам облик этого пустынного, сурового мыса, края суши и, возможно, в течение какого-то времени, границы эллинских владений – это хорошо различимая географическая координата, которая как нельзя лучше отвечала вероятному местоположению святилища или хотя бы маяка. Для портового пункта здесь не было надлежащих условий: гавани, источника пресной воды. Обычно такого рода места, да еще с глубокими естественными расщелинами, гротами и обрывами среди скал в греческой сакральной практике связывались не столько с культом Ахилла, сколько с почитанием иных богов: Деметры, Коры, Посейдона, Артемиды, причем в их хтонической ипостаси. Нередко располагавшиеся там жертвенники и алтари представляли собой лишь холмы пепла. Текст Павсания просто изобилует примерами такого рода⁵¹. Подобных письменных свидетельств относительно рассматриваемого района Боспора у нас нет, но некоторые археологические реалии все же, как нам кажется, позволяют выдвигать такого рода предположения. Мы имеем в виду существующий здесь и довольно протяженный, хотя и невысокий, зольный холм, частично раскопанный. Он находится между скал, вблизи берегового обрыва и большой трещины-вымоины в материковых породах. Характер находок (в основном обломки амфор и сосудов для питья), особенности стратиграфии и, наконец, весь окружающий ландшафт, несмотря на недостаточную исследованность памятника, не оставляют сомнений в его культовой принадлежности⁵². Другое дело – конкретная интерпретация и некоторая неопределенность датировок. В целом время бытования зольника определяется в пределах двух-трех столетий (VI–IV вв. до н.э.)⁵³. Обращает на себя внимание, что это святилище прекращает свое существование одновременно со строительством городской стены, расположенной неподалеку (примерно в двух с небольшим километрах к северу) предполагаемой Акры, о чем выше уже говорилось. Быть может, с устройством здесь порта и переправы и образованием городского центра функции святилища на мысу перешли к какому-то скромному местному храму.

В силу разных причин мы еще меньше осведомлены об археологических микро-объектах в других, столь же примечательных с точки зрения древней географии, местах обширной боспорской хоры. Для некоторых из них (Темир-гора, мыс Фонарь, район горы Опук, Ак-Бурунский мыс) присутствие святилищ или жертвенников вполне допустимо. Для других (некоторые наиболее приметные возвышенности близ азовского побережья полуострова) это археологически подтверждено недавними раскопками⁵⁴. Не менее двух-трех пунктов без труда можно назвать и на территории азиатского Боспора (Ахиллион, так называемая «могила Сатира» на горе Куку-Оба, гора Бориса и Глеба).

Завершая наш небольшой очерк, упомянем еще о двух объектах в Крымском Приазовье. Такое, по-видимому, столь заметное место, как мыс Зюк, было отмечено в древних периплах, причем, судя по координатам в «Географии» Клавдия Птолемея, совершенно справедливо в качестве самой северной точки всего побережья (Ptol. VI. 4). Две небольшие удобные бухты, позволявшие укрыться от штормов, близость

⁴⁹ Кондрашев А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 84–90.

⁵⁰ Из последних работ на эту тему см. Руслева А.С. Религия и культура античной Ольвии. Киев, 1992. С. 75–83.

⁵¹ Павс. I. 18. 7; 48. 2; III. 24. 5–9; V. 13. 8–11; 14. 8. 10; VIII. 38. 7.

⁵² Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 127.

⁵³ Молева. Ук. соч. С. 126–128.

⁵⁴ Масленников А.А. Сельский теменос в Восточном Крыму // ВДИ. 1997. № 4. Второй, более скромный объект раскопан на вершине самой высокой из прибрежных сопок, расположенной приблизительно в 22 км к западу от мыса Зюк (урочище Сююрташ).

источников пресной воды, господствующее над окружающим пространством положение мыса и его естественная защищенность – все это создавало идеальные предпосылки для возникновения небольшого городка. На этом основании, а также благодаря специфическому названию, локализация здесь Зенонова Херсонеса, упомянутого Клавдием Птолемеем, вряд ли может быть оспорена. Об увековечившем тут свое имя некоем Зеноне мы скорее всего никогда ничего не узнаем, зато само городище изучено хорошо⁵⁵. Оно просуществовало по крайней мере с первой четверти VI в. до н.э. до третьей четверти VI в. н.э., неоднократно перестраиваясь и пережив несколько катастрофических разрушений. Вероятно, это был важный промежуточный пункт на торговых путях Меотиды.

Странно, что еще более примечательный в географическом плане мыс Казантип не оставил следов в письменной традиции, хотя, быть, может, она до нас просто не дошла. Поселения античного мира на нем существовали, и одно из них, по мнению И.Т. Кругликовой, носило название Гераклия⁵⁶ (Ptol. VI. 4). Думается, если, конечно, верить координатам Птолемея, Гераклием скорее следует считать другое поселение в Приазовье, расположенное в 10 км к западу от мыса Зюк (Генеральское Восточное)⁵⁷. На Казантипском же полуострове находилась, согласно Птолемею (VI. 5), какая-то Новая крепость. Это предположение опирается пока лишь на то, что близким к Птолемею временем датируются остатки очень мощной оборонительной стены относительно крупного городища первых веков нашей эры у восточного основания мыса⁵⁸.

Таким образом, сохранившиеся в письменных источниках упоминания о древних географических ориентирах Восточного Крыма благодаря успехам археологии, особенно в последнее десятилетие наполнились конкретным археологическим содержанием. Эти новые данные заставляют убедиться в достоверности и порой удивительной точности сведений античных авторов.

А.А. Масленников

ANCIENT GEOGRAPHICAL LANDMARKS OF EAST CRIMEA
AND MODERN ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES

A.A. Maslennikov

The main purpose of the article is to try to establish specific geographical landmarks of East Crimea in the known writings of ancient authors, as well as to estimate them from a modern historical and archaeological point of view. Such known landmarks are quite few, but even as it is, they still reflect the exploration periods of ancient Greeks and their knowledge of specific natural features, the geographical position and historical monuments of this region on the north coast of the Black Sea.

It is to Herodotus that we owe the detachment of Kerch peninsula from the mainland, as well as the indication of the so-called inner landmarks: border and defense lines, bulwarks and fosses. The best-known of these landmarks, and the most important in regard to the present article, was situated on what is now the Ak-monay isthmus; for a long time, however, its very existence has been highly doubted. Now, though, it is proved. All of these objects still contain a lot of puzzles, but are extremely important for the understanding of the ethnical and historical situation on the peninsula. The main points of the Bosphorus strait itself are significant landmarks as well. These contained towns, fords and sanctuaries. The chora of Bosphorus, especially the Azov coastline, could have been of some significance as well, at least in several points.

The article is based on the latest archaeological data including the results of the author's excavations in East Crimea in the past years.

⁵⁵ *Он же. Зенонов Херсонес...* С. 120–173.

⁵⁶ *Кругликова И.Т. Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря // СА. 1959. XXVIII. С. 233.*

⁵⁷ *Масленников А.А., Чевелёв О.Д. Разведочные работы на городище Генеральское // КСИА. 1985. 182. С. 55.*

⁵⁸ Устное сообщение руководителя археологической экспедиции ИА РАН в 1991 г. И.М. Безрученко.